

Я о том же, я просто не знаю, с чего мне начать...

Г. Шульпяков

«Все фотографии – memento mori». Так утверждала Сьюзен Зонтаг. И дальше: «Образы приводят в оцепенение. Анестезируют». Верно, если перед нами фотография мастера.

Ровно то же самое можно сказать и в отношении поэзии, которая не говорит о реальности или подлинности – она сама и есть новая подлинная реальность. Только такое понимание способно объяснить то состояние оцепенения и онемения, в которое подвергают сильные образы. Как сон во сне, чьи конструкции столь хрупки, что подлинность собственного пребывания в ином пространстве часто вызывает сомнения – постоянно хочется себя ущипнуть. Мерцающее бытование в пространстве образа обычно чувствуется по тем самым состояниям оцепенения и анестезии, о которых писала Зонтаг. По еле заметным покалываниям в кончиках пальцев, по легким вибрациям, что пробегают по всему телу, по еканью сердца, по накотившей тишине, что пронизывает сквозняком до озноба, – так живое реагирует на близкое присутствие иного, вечного и необъяснимого. Особенно на пороге смерти, когда затылком чувствуешь ее дыхание, или когда остро переживаешь утрату, или хотя бы помнишь, что жизни без смерти не бывает, или вдруг замечаешь, что дети давно взрослые, а дни летят, и сколько их еще?

Потому и memento mori. Смерть стирает все лишнее, делая мир менее болтливym. Краски блекнут, время останавливается, мир замирает и становится черно-белым.

То, что не обойти,
То и необходимо.
Кто на своем пути,
Тот не проходит мимо.

Звезды над головой
Песенки навевают.
Славно, что я живой.
Славно, что так бывает.

(А. Ибрагимов, лето 2020 г.)

Наталья Ибрагимова